

Александр Яковлев

Большевизм — социальная болезнь XX века

«ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА» — историко-публицистическое исследование преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории». Вступительную статью к «ЧЕРНОЙ КНИГЕ КОММУНИЗМА» на русском языке написал политический и общественный деятель, публицист, социальный мыслитель, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

... Он прошел путь, исполненный глубокого драматизма, — от искреннего, последовательного коммуниста до искреннего последовательного демократа, антикоммуниста. Он описал в своих честных исповедальных книгах все противоречия, все сложности, все муки этого пути. Пожалуй, никто из наших современников не вложил столько сил, столько ума, не потратил столько времени для того, чтобы завоевания свободы, демократии в нашей стране, при всей их неполноте и фрагментарности, стали, тем не менее прочными, необратимыми.

Фото: krugosvet.ru

Александр ГЕЛЬМАН

(продолжение, начало в №№ 100-109)

Денационализация. До сих пор в национальном богатстве страны преобладающая его часть принадлежит государству, его структурам типа государственных предприятий, опекаемых государством все тех же колхозов и совхозов и т. д. Денационализация реальна только вместе с деколлективизацией. Здесь надо завершить столыпинскую реформу. Автор ее был слишком истинномолок. Для царя и двора Столыпин — левый, для интеллигенции — правый. Разновеликая, но единая ненависть к Столыпину убила его. А ведь именно он предложил дорогу, чтобы вывести Россию в белый свет.

Марксистские классики не любили крестьянство: крестьянин и темен, и глуп, и жаден, и бесконечно подражает буржуазии, и прочая, и прочая. Большевики повели себя в крестьянской стране как иноземные завоеватели. Продотряды по жестокости превзошли все мыслимое и немислимое. В гражданскую войну — институт заложников. Огнем артиллерии сметались заложные деревни. Затем — геноцид казачества, физическое уничтожение «комбедами» столыпинских кулаков, то есть самых работающих крестьян.

В пространстве полицейского государства крестьянина сажали «на якорь» в колхозной бухте беспаспортностью. Приусадебное хозяйство рушили налогом — при Сталине, безземельем — при Хрущеве, невозможностью торговать — при Брежневле. А «неперспективные деревни»? А грабеж со стороны «Сельхозтехники», «Сельхозхимии»? А мелиоративный разбой?

Деревня порушена. Если раньше было аграрное перенаселение, то сейчас — урбанистическое. Аграрное безлюдье можно поправить за счет города. Но для этого надо

было создать его величество Интерес. Крестьянин-единоличник, фермер, хуторянин должны иметь реальный доход в два-три и более раз выше, чем у горожанина. Тогда будет толк.

Нужны воля и мудрость, чтобы постепенно разрушить большевистскую общину — колхоз, эту безнадежно больную корову системы: она уже давно перестала давать молоко.

Как упразднить колхозы и совхозы?

Они должны отжить свой век, постепенно заменяясь фермерством, рационально организованными кооперативами, агрофирмами. Деколлективизацию необходимо вести законно, но жестко. И опять же: создано множество законов, с точки зрения формальной логики, неплохих. Но они бездействуют.

Демонопользация. Признание конкуренции естественной и общественно необходимой частью экономической жизни, ее главным здоровьесотворяющим фактором. Защита конкуренции всеми средствами закона и общественного мнения. Жесткие экономические санкции за нарушение антимонопольного законодательства.

Монополия не только гниет сама — она тянет в пропасть и экономику, и общество. Обрекает на техническое и иное отставание. Сеет вокруг себя коррупцию, бюрократизм. Объективно подкрепляет и умножает авторитарные тенденции в общественной жизни.

Необходимо создать все условия и гарантии для того, чтобы иностранные фирмы могли действовать на нашем рынке непосредственно, были бы надежно защищены нашими и общепризнанными международными законами. Иначе нормальной экономики, как и нормальной жизни, не достичь.

Деиндустриализация — экологическая.

Потребительское отношение к природе воспитывалось веками и даже тысячелетиями. Мы же, надрываясь на тупиковом общественном пути, тоже немало сделали для аксиоматизации атакизма пещерных времен, когда человек был действительно беззащитен.

Капитализм, особенно в ранней своей стадии, устами Фрэнсиса Бэкона, гордился тем, что пользуется только опытом. Отношение к мышлению, гуманизму полно презрения. Образ матери-природы уступил место образу природы-машины, природы

Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир едины. И потому так необходимы философия реальной безопасности, мировоззрение, которое базируется на вечных ценностях. Человек познает себя через природу и природу познает через себя. И никак иначе.

Любое общество, которое ставит во главу угла «принцип полезности» как принцип всеобщей эксплуатации природных и человеческих сил, безжалостно иссушает эстетические, эмоциональные, духовные способы общения между людьми, между людьми и природой.

— дойной коровы.

Сколько пустынь сотворили мы? Диву даешься идиотизму, возвращенному большевистскими догмами. Система, которая теряет плодородные земли, обращает пашни в пустыни, разоряет природу, убивает сама себя. И никакие идеологические обманы не в силах компенсировать эту потерю.

Но самая страшная пустыня — в нашей душе, иссушенной эгоизмом, растерзанной двойной моралью, заблудившейся в гуманистических координатах в силу разделения фокусной точки мировоззрения. Милосердие, альтруизм, честь, совесть, человеко- и природолюбие — какова доля этой вечности в душах и умах наших?

Смертоподобно и дальше нарушать механизм разумности в экосистемах природы. Уже не за горами, а вблизи, вот-вот начнутся необратимые изменения. Сначала «положим зубы на полку» из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах.

А потом что?

Потом экологическая смерть.

Демилитаризация. Время есть скорость передачи информации. Сдвинули время благодаря цепной реакции, и тихие куски урана, «горевшие миллионы лет», обрели способность сгореть в микромгновение, под-

винули нас к концу света. Конец света вытворен. Голово- и рукотворно.

Но обратная дорога не только в уничтожении накопленного оружия, не в механическом сокращении армии. Она — в переосмыслении всего того образа жизни, в котором все военное было почти неприкосновенным. И который привел нас к сегодняшнему положению. Привел, повинуюсь политике и инерции, следуя надежно защищенному бездумью.

Более полвека минуло с окончания второй мировой войны, а мы до сих пор разобрататься не можем, сколько же средств ушло и уходит у нас на военные нужды, куда и как именно. Ясно, что много, но сколько? Ясно, что скрывали и запутывали, заморочив только самих себя.

И так ли уж бескорыстна эта секретность, верно ли, что она направлена против потенциального противника? Если невозможно проследить все и всяческие расходы, то совершенно очевидно, что здесь широчайшее поле для любой бесхозяйственности и любых злоупотреблений. Слава Богу, что сейчас хоть как-то пытаются навести элементарный порядок в армии, борются с финансовыми и иными злоупотреблениями. Но проблема куда глубже, нежели только экономические ее аспекты. Демилитаризация должна, прежде всего, тронуть сознание, общественную психологию, образ жизни.

Денархизация. Парадокс коммунистического общества: жесточайший тоталитаризм уживался с беспрецедентным анархизмом, ибо власть держалась на анархии террора, чтобы все и каждый жили в страхе. Но если вдуматься, то противоречия здесь нет. Возможность произвола сверху создает простор и для произвола на всех иных уровнях. Конечно, в иных масштабах, ином «материале», в разных направлениях, но все равно произвола.

В системе военно-бюрократического строя нет места закону, его уважению, его действительному и строгому соблюдению. Те же законы, которые принимаются в тоталитарном обществе, выполняют две политические функции. Во-первых, они призваны хоть как-то оправдать, прикрыть, облагородить произвол «сверху». А во-вторых, дать властвующим структурам дополнительные рычаги и средства нажима на подданных, управления ими.

Отсюда мощные порывы к анархии, что проявляется в самых разных формах: от полнейшего неуважения к каким угодно нормам и правилам до пренебрежения к собственности, к труду — ко всему и ко всем, кроме себя.

Особенно опасны позывы к анархии, которые возникают на уровне духовном, в пластах политической и общей культуры. Здесь традиции анархизма у нас исторически сложились богатые и прочные, и идут они не только от Пугачева или Разина, Бакунина или Нечаева. Национальная психология издавна легко отзывалась на насилие «в благородных», как считалось, целях. Этим как раз и воспользовались российские коммунисты для захвата власти.

(продолжение следует...)